

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Колмогорова

INCARNATION IN LIFE AND ON STAGE: LINGUISTIC ASPECT

A. V. Kolmogorova

В статье анализируется феномен перевоплощения личности, как в повседневной жизни, так и на театральных подмостках, с точки зрения методологических возможностей его изучения в лингвистике. Выделяются три аспекта перевоплощения, которые доступны лингвистическому описанию: лингвоперсоналогический, ключевым объектом которого становится перевоплощённая языковая личность; речевой, сфокусированный на способах и средствах реализации стратегии речевой маски; коммуникативный, в центре которого – приём «коммуникативное лицедейство». Проводится сопоставительный анализ феноменов перевоплощённой языковой личности, речевой маски и коммуникативного лицедейства. Формулируются параметры сопоставления: 1) глубина трансформаций «я»; 2) продолжительность и регламентированность перевоплощения; 3) прозрачность перевоплощения для коммуникативных партнёров; 4) языковые/речевые средства, маркирующие перевоплощение. Делается вывод о наличии определённой специфики в манифестациях перевоплощения на уровне языка, речи, коммуникативного взаимодействия, требующей всестороннего лингвистического анализа.

The article deals with the phenomenon of personality incarnation in everyday life and on theater stage. We aim to describe some perspectives and methodological approaches to the linguistic analysis of the above-mentioned phenomenon. We focus on the three aspects of personality incarnation which seem to be accessible for linguistic exploring: linguo-personal approach with the notion of incarnated language personality as its key-concept; speech oriented approach focusing on language means and ways of exploiting speech mask strategy; communicative aspect concentrated on such communication device as “communicative mummery”. Applying the method of comparative analysis to examine the mentioned phenomena allowed us to elaborate the parameters of comparison and to find out specific features of each of the phenomena: 1) the depth of “I” transformation parameter; 2) the duration of the incarnation and its regimentation parameter 3) the incarnation transparency for communicative partner parameter; 4) the language markers of incarnation parameter. Thus, we conclude that the incarnation manifestations on language, speech and communicative levels of personality have some specificity which deserves a further complex linguistic analysis.

Ключевые слова: перевоплощённая языковая личность, стратегия речевой маски, коммуникативное лицедейство, сопоставительный анализ, феномен перевоплощения, лингвистическое описание.

Keywords: incarnated language personality, strategy of speech mask, communicative mummery, comparative analysis, phenomenon of incarnation, linguistic exploration.

Введение

Данная публикация посвящена анализу предварительных результатов и перспектив лингвистического изучения и описания феномена перевоплощения.

Начиная с последней трети XX в., фундаментальным методологическим принципом лингвистики считается принцип антропоцентризма. Общий интерес к человеческой личности в различных её ипостасях – индивидуальной и коллективной, общечеловеческой и национально-специфической и т. д. – дал толчок к развитию таких направлений, как лингвоперсоналогия, психолингвистика, гендерная лингвистика, жанроведение.

Среди многочисленных образов личности остаётся по-прежнему малоизученным и в определённой степени лакунарным для лингвистики образ «человека перевоплощённого». Глубина и осознанность перевоплощения могут быть различны, однако они не могут не отразиться на свойствах и характеристиках человека «говорящего».

1. Понятие перевоплощения в гуманитарных науках

Перевоплощение является глубоким религиозным понятием. В дзен-буддизме перевоплощение или ре-

инкарнация рассматривается как процесс переселения души в новое тело после смерти предыдущего, сопровождаемый новым витком в эволюции души [14]. Русский философ Н. Бердяев писал о невозможности принятия такой концепции в рамках религиозной философии христианства и православия в частности, поскольку личность изначально хранит в себе тайнство создания, она целостна и обладает полнотой – она неделима и только в такой своей ипостаси может воскреснуть [1, с. 30]. Даже и само слово *индивидуальность*, восходящее к латинскому *individuus* ‘неразделённый, нерасщеплённый’, в русской литературе, философии трактовалось как «человеческое неделимое»: «На народ тоже можно смотреть как на человеческое неделимое, следующее особому пути развития...» [15, с. 50].

В философии разработаны понятия я-глубинного и я-эмпирического: первое сопричастно вневременным духовным ценностям, способное осознавать абсолютные ценности [14], второе же есть средоточие душевной жизни с её переживаниями, накопленным опытом, чувствами.

Та же дихотомия глубинного и эмпирического (Я-идентичности) была использована и основателями психоанализа, при этом метаморфозы Я (перевопло-

щения) стали одной из основных проблем психологии и психотерапии. Так, Э. Бёрн [17] разработал концепцию транзактного анализа, согласно которой структура личности есть сочетание трёх состояний, трёх ролей: Родитель, Ребёнок, Взрослый. Переход от одного состояния к другому – это своеобразное перевоплощение на психическом уровне.

Теория социального лицедейства была разработана американским социологом И. Гофманом [4], считавшим, что социальные взаимодействия символичны: социум суть театр, в котором ежеминутно социальные субъекты играют роли, каноны которых сформулированы отнюдь не самими субъектами.

Таким образом, проблема перевоплощения не раз становилась предметом изучения в философии, психологии и социологии. Рассмотрим в каких ракурсах феномен перевоплощения изучается в лингвистике.

2. *Перевоплощение и лингвистика: лингвоперсонологический аспект*

Термин «языковая личность», введенный в научный оборот В. В. Виноградовым [2] и Ю. Н. Карауловым [6], начал активно функционировать в лингвистике в 80 – 90-е гг. XX века, а в XXI в. – стал базисом для формирования различных направлений и школ лингвоперсонологии [3; 5]. В современной лингвоперсонологии существует разветвлённая типология языковых личностей, однако до последнего времени социально-психологический критерий реальной/условной самоидентификации личности языкового субъекта не попадал в фокус внимания исследователей.

В психологии театра перевоплощение определяется как осознанное «раздвоение личности», при котором актер, растворяясь в чужой жизни, осознает иллюзорность происходящего на сцене, не утрачивая перспективы реальной действительности [13]. Наблюдения за речевыми манифестациями вербально-семантического, прагматического и когнитивного уровней языковой личности актёра вне роли и в контексте исполняемой им и сопровождающейся перевоплощением роли [8; 10; 11] показали, что в процессе перевоплощения языковая личность, с одной стороны, претерпевает существенные трансформации, а с другой стороны, сохраняет большую часть своих реальных характеристик. Кроме того, поскольку процесс актёрского перевоплощения вписан в рамки сценария, замысла режиссёра, то существенное влияние на изменения в языковой личности актёра оказывает сценарный образ роли. Иными словами, для описания актёрского перевоплощения понадобилась трёхчастная типология языковых личностей: перевоплощённая языковая личность, реальная языковая личность и сконструированная языковая личность [10].

Перевоплощённая языковая личность (ПЯЛ) – это языковая личность, которая временно воссоздаёт в условиях публичности иной языковой образ, обусловленный творческим замыслом режиссёра и сценариста/драматурга, но базирующийся на собственном речевом опыте и языковой компетенции данной личности. При этом, отталкиваясь от собственной психологической природы, языковая личность изменяет неко-

торые существенные характеристики собственной личности, вбирает черты чужого, имитируемого ею образа.

Перевоплощённая языковая личность онтологически связана с *реальной языковой личностью* (РЯЛ), понимаемой как языковая личность, реализующая в речи свои собственные способности и склонности, не выходя за границы личностной самоидентификации и не расширяя её обычных границ. Поскольку сам вопрос о реальности и её природе является спорным, небезосновательным является рассмотрение языковой личности как реальной до тех пор, пока данная личность осознаёт себя и называет себя реальным именем и фамилией.

Перевоплощённая языковая личность испытывает внешнее влияние *сконструированной языковой личности* – языковой личности, референциально не соотносимой ни с одним реальным социальным и языковым субъектом, сконструированной намеренно, следуя творческому замыслу иной языковой личности (сценариста) и охарактеризованной при помощи приписываемых ей текстов – реплик в сценарии.

Следует отметить, что анализ речевых манифестаций реальной языковой личности немецкого актёра О. Пошера в ходе интервью, радио- и телепередач и тех речевых манифестаций, которые обнаруживает актёр в момент перевоплощения, при условии, что они не прописаны в сценарии, т. е. не соотносимы со сконструированной языковой личностью, а являются результатом «вживания» актёра в образ, показал, что трансформации подвергается даже один из наиболее глубоких уровней языковой личности – когнитивный. Были выделены три типа подобных трансформаций:

1) экстенциональная трансформация – увеличение объёма как подлежащих концептуализации областей, так и областей, служащих источником концептуализации;

2) интенциональная трансформация – увеличение релевантности в когнитивном опыте личности областей духовного опыта;

3) векторная трансформация – изменение направления когнитивного «интереса» личности: если для РЯЛ характерно направление «извне – вовнутрь» (потребление), то для ПЯЛ – «изнутри – вовне» (интерес к внешнему миру как источнику когнитивного опыта) и «вовнутрь» (интерес к собственным ощущениями и переживаниям как источнику когнитивного опыта).

Кроме того, было отмечено, что прагматический уровень ПЯЛ существенно отличается от соответствующего уровня РЯЛ. К прагматическим категориям, наиболее подвергающимся трансформациям, можно отнести:

1) актуальное членение информационного пространства дискурса (для РЯЛ тема – профессиональный статус личности, рема – личностно-интимная сфера; для ПЯЛ тема – личностно-интимная сфера, рема – профессиональный статус личности);

2) образ себя, создаваемый в социуме (позитивный для РЯЛ и негативный или амбивалентный для ПЯЛ);

3) ценностные доминанты социально-коммуникативного поведения (ПЯЛ – «эмпатичный наблюдатель», «жертва», РЯЛ – «лидер мнений»;

4) соотношение жёстких и мягких коммуникативных тактик (жёсткие преобладают для ПЯЛ, мягкие – для РЯЛ).

Наибольшую зависимость от сконструированной языковой личности – плода творческой деятельности сценариста – обнаруживает лексико-семантический уровень перевоплощённой языковой личности, в частности, синтаксические структуры.

В свою очередь, наибольшую устойчивость обнаруживают такие характеристики РЯЛ, как использование междометий, модальных частиц, а также невербальных средств, сопровождающих речь и усиливающих её экспрессивность.

Таким образом, перевоплощение может носить глубокий характер, затрагивать эмпирическое «я» личности, являющееся средоточием жизненного, социального опыта индивида, приводя к трансформациям на когнитивном и ценностно-прагматическом уровнях языковой личности актёра, что позволяет выделить особый тип языковой личности – перевоплощённую языковую личность. Следует также подчеркнуть, что такого рода языковая личность – явление, зависимое от замысла режиссёра и сценариста, ограниченное пространственными рамками театральных подмостков или съёмочной площадки, имеющее лимитированное время существования (продолжительность репетиции, спектакля, съёмки), санкционированное обществом, подлежащее эстетической оценке со стороны последнего.

3. *Перевоплощение и лингвистика: речевой аспект*

В ряде случаев перевоплощение может затрагивать только уровень речевых проявлений эмпирического «я» индивида, не приводя к каким бы то ни было трансформациям самого эмпирического «я» или глубинного «я». Индивид намеренно заимствует речевые модели, клише, особенности на уровне лексики, фонетики, свойственные человеку определённого социального статуса, профессии, дабы выдать себя за него. Происходит только подмена речевого проявления «я» – я остаюсь собой, но намеренно говорю так, как если бы это был не я, а другой. При этом подмена происходит по воле самого индивида:

а) в корыстных или манипулятивных целях, и в таком случае не санкционирована обществом и подлечит этической оценке со стороны последнего;

б) в игровых целях, и в таком случае адресатами осознаётся условность нарушения табу на эксплуатацию чужого речевого образа, что приводит к подмене этической оценки эмоциональной оценкой.

Такое речевое перевоплощение, также, как и перевоплощённая языковая личность, имеет ограниченный срок существования, однако он не регламентирован и полностью зависит от ситуации и интенций индивида. Так, например, в фильме «Duplicity» («Ничего личного») секретный агент Рэй Коваль в диалоге с сотрудницей транспортного отдела Барбарой Бофферд использует речевую маску славного парня из

Теннесси – заведомо владея информацией о происхождении Барбары, он специально говорит с теннессийским акцентом и убеждает Барбару в том, что они – земляки, чтобы легче сблизиться с ней.

Подобное перевоплощение классифицируется в лингвистике как коммуникативная стратегия речевой маски [16]. М. В. Шпильман отмечает, что речевая маска (РМ) – это коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата [16, с. 78]. Кроме того, подчёркивается, что речевая маска – временная и ситуативная эксплуатация чужого стереотипного образа [16], который может существовать в обобщённом виде прототипа в языковом сознании адресата – объекта коммуникативного воздействия [12]. Среди типов речевых масок выделяют: подготовленные/ спонтанные, кратковременные/ длительного использования [16], индивидуальные/ обобщённые речевые маски, речевые маски-шаблоны [12].

4. *Перевоплощение и лингвистика: коммуникативный аспект*

Перевоплощение может быть и более ситуативным, менее уловимым, и касаться лишь референциальной схемы коммуникативной ситуации. Так, типичная референциальная схема коммуникативной ситуации выглядит следующим образом: Я – здесь – сейчас – говорю+взаимодействую – с тобой. Однако достаточно часто в коммуникации происходит так, что одна или несколько таких «референциальных зацепок» нарушаются, претерпевают сдвиг. Перечислим возможные варианты: я говорю и взаимодействую: 1) как если бы это был не я, не здесь, не сейчас и не с тобой; 2) как я, но как бы не сейчас, не здесь; 3) как я, здесь и сейчас, но как бы не с тобой.

Примером первого рода может быть следующая коммуникативная ситуация: в фильме «Ликвидация» друг, и по совместительству – вор-карманник, Фима уговаривает Давида Гоцмана заглянуть на минутку к друзьям, Давид отказывается. Тогда Фима внезапно переходит от типичной для него одесской речи к специфической интонации и немецкому акценту, говоря как «как бы» немецкий офицер, изобразив из двух сложенных пальцев дуло пистолета: *Нет, вы пойдёте со мной, генераль!* Улыбнувшись, Давид соглашается.

В данной ситуации говорящий на очень короткое время нарушает референциальную схему коммуникативной ситуации, говоря как если бы это был не он, а немецкий офицер, следовательно, как если бы действие происходило не в послевоенной Одессе, а во время оккупации где-нибудь в концлагере или лагере военнопленных.

Примером второго рода может быть ситуация, когда школьница приходит после экзамена домой, где родственники с напряжением ждут от неё информации об итоговой оценке, девочка изображает печаль, подавленность, отвечает слабым голосом, вздыхает, родители начинают понимать, что экзамен не сдан, но в этот момент ребёнок полностью преобразуется и радостно сообщает, что экзамен сдан

на «пятёрку». В данном случае я-референция сохраняется, но сдвигу подлежит референциальная зацепка *сейчас*: я говорю и взаимодействую так, как

если бы я вернулась домой после проваленного экзамена, а не после успешно сданного, как сейчас.

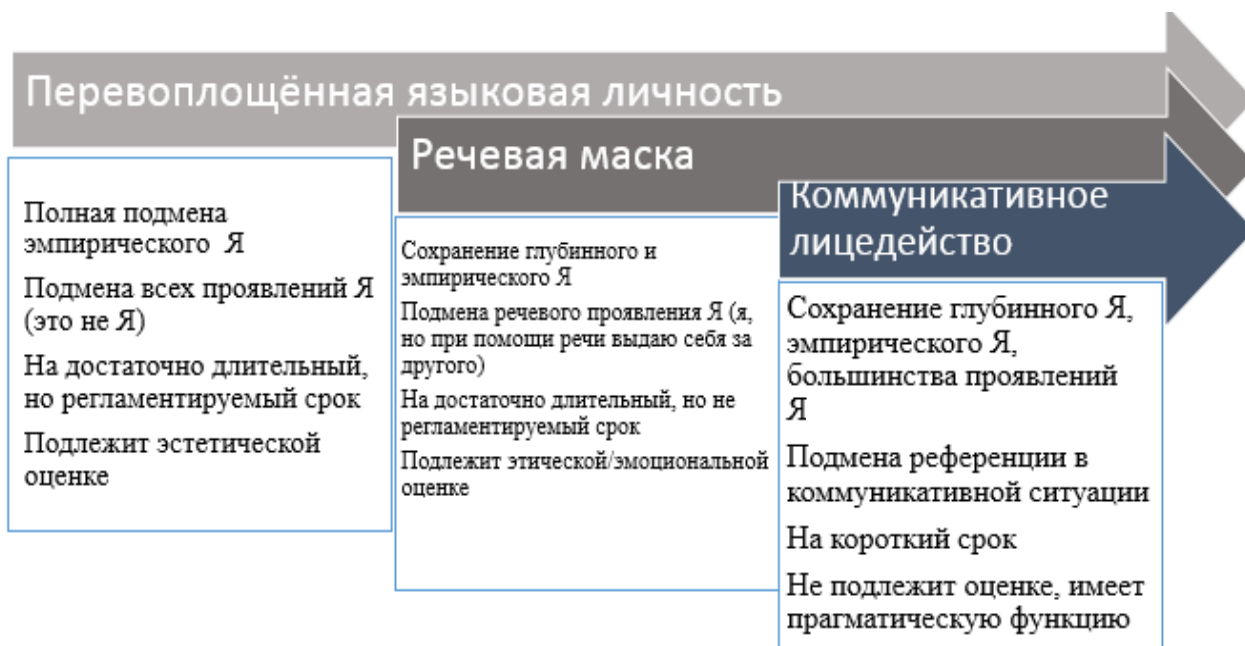

Рис. Отличительные черты перевоплощения в лингвоперсонологическом, речевом и коммуникативном аспектах

Примером третьего рода считаем коммуникативную ситуацию в фильме «Такси – 2», где главный герой объясняется со своей девушкой. Для обозначения своей собеседницы он выбирает существительное, эквивалентное местоимению 3 лица единственного числа, осуществляя таким образом референциальный сдвиг «я говорю здесь и сейчас как бы не с тобой». Девушка подхватывает эту игру:

– Я пришёл сюда, потому что моя девушка беременна.

– А твоя девушка забеременела от выхлопной трубы или от сквозняка?

В приведённых случаях мы имеем дело с коммуникативной ипостасью перевоплощения, которую мы назвали коммуникативным лицедейством [9]. В отличие от стратегии речевой маски говорящий использует приём коммуникативного лицедейства спонтанно, на очень короткое время для решения конкретных и частных коммуникативно-прагматических целей (тактики уговора, стратегий аргументации [7]). К тому же говорящий не скрывает, что он «играет» с референцией – его минутные перевоплощения ясны, понятны, наблюдаемы для собеседников и не подлежат оценке: они выполняют прагматическую функцию.

Маркерами коммуникативного лицедейства являются на уровне морфологии – референциальный сдвиг местоимений, на уровне просодии – несвойственная говорящему, но, возможно, ассоциируемая с каким-либо обобщённым или конкретным прототипом интонация, акцент, тембр и громкость голоса; на уровне невербального компонента коммуникации –

использование несвойственных говорящему или не предполагаемых ситуацией жестов, движений.

Выводы

Сравнительно-сопоставительный анализ манифестаций феномена перевоплощения на языковом, речевом и коммуникативном уровнях личности позволяет констатировать наличие нескольких отличительных черт (рис.).

1) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по глубине трансформаций «я»: трансформацию эмпирического «я» претерпевает только ПЯЛ, а РМ и КЛ при сохранении эмпирического «я» отличаются тем, что при коммуникативном лицедействе замена речевых манифестаций «я» не обязательна или носит кратковременный характер; для РМ же, напротив – обязательна;

2) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по признаку продолжительности и регламентированности перевоплощения: для ПЯЛ характерно наиболее длительное и ограниченное театральным/кинематографическим контекстом перевоплощение; для КЛ перевоплощение сиюминутно и наименее продолжительно;

3) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по признаку прозрачности перевоплощения для окружающих: в случае ПЯЛ перевоплощение ожидаемо, санкционировано самой ситуацией, в случае РМ перевоплощение непрозрачно, скрывается или в случае юмористического дискурса задаётся самой ситуацией, в которой зрители должны угадать, кого изображает комик; в случае КЛ перевоплощение абсолютно прозрачно для коммуникативных партнёров, оно происходит на их

глазах, но не санкционировано ситуацией, неожиданно;

4) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по признаку языковых/речевых средств, маркирующих перевоплощение: наиболее разнообразный и разноуровневый характер обнаруживают маркеры перевоплощённой языковой личности, стратегия речевой маски маркируется при помощи лексических и просодических средств, а коммуникативное лицедейство – при по-

мощи референциального сдвига местоимений и просодики.

Таким образом, перевоплощение как психологический феномен, будучи манифестировано на языковом, речевом и коммуникативном уровнях *Homo loquens*, может быть изучено с помощью соответствующего уровня лингвистического инструментария. Такого рода исследования представляются перспективными и имеющими экспликативный потенциал.

Литература

1. Бердяев Н. Философия свободы. М.: АСТ, 2005. 333 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 321 с.
3. Голев Н. Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 7 – 12.
4. Гофман И. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 189 – 196.
5. Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2008. № 3(4). С. 27 – 43.
6. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык: энциклопедия. М., 2003. С. 671 – 672.
7. Колмогорова А. В., Шестаков М. Е. Место коммуникативного лицедейства среди других речевых/языковых феноменов в контексте перевоплощения // Вестник КузГПА. 2014. № 1(30). С. 10 – 14.
8. Колмогорова А. В., Косинова Е. В. Реальная и перевоплощённая языковые личности немецкого актёра // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 2013. Вып. 73. С. 12 – 19.
9. Колмогорова А. В. Коммуникативное лицедейство в общении матери с ребёнком // Вопросы психолингвистики. 2012. Вып. 15. С. 102 – 109.
10. Косинова Е. В. Лингвопрагматические особенности речевого поведения перевоплощённой языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 196 с.
11. Косинова Е. В. Морфологические средства выражения эмоциональности в речи актёра – перевоплощённой языковой личности // Научный диалог. (Серия: Филология). Екатеринбург, 2012. № 12. С. 102 – 109.
12. Кукс А. В. Конструирование речевой маски в игровом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 247 с.
13. Липская Е. В. Перевоплощение как феномен театрального творчества // Вестник МГУКИ. 2009. № 1(27). С. 241 – 245.
14. Лосский Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: Прогресс, 1992. 208 с.
15. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
16. Шпильман М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок // Уральский филологический вестник. (Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива). 2012. № 3. С. 78 – 82.
17. Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships. N. Y.: Grove Press, 1964. 88 p.

Информация об авторе:

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск), nastiakol@mail.ru.

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.